УДК 39
DOI: 10.17223/2312461X/24/6

КРУЖЕНИЕ В КОЧЕВОМ И ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ-ВРЕМЕНИ*

Андрей Владимирович Головнёв

Аннотация. Рассматривается реакция Сети на полуминутный видеоролик автора, снятый в экспедиции 2018 г. к оленеводам Кольского полуострова и содержащий сюжет кружения оленей. Неожиданно обычный ролик стал «вирусным». Автор пытается уловить актуальную связь между совершенно разными по природе явлениями – кружением оленей и бурлением Сети, между архаичной традицией и сверхсовременной реакцией. Сначала слово предоставляется традиционной этнографии и антропологии для представления обсуждаемой сцены в ее культурном контексте (на основе полевых исследований автора на Чукотке, Ямале и Кольском полуострове среди кочевников-оленеводов Арктики – чукчей, ненцев, саамов и коми-ижемцев). Затем выкладываются сетевые комментарии в последовательности: «группа чувств», «группа разума», «антропоцентричные объяснения», «оленье мышление». Завершив обзор толкований, автор рассматривает спектр ассоциаций вращения, включая спираль вращения Галактики, хромосому, лабиринты. Подавляющий набор ассоциаций приходится на танец в широком спектре его значений и функций. Возможно, между столь отдаленными явлениями, как оленье кружение и сетевое обсуждение, натянута незримая нить кочевой ментальности, один конец которой привязан к классическому кочевью, а другой – к виртуальному киберномадизму. Спираль вращения (воронка памяти, круговорот ассоциаций) представляется узлом слитного кочевого пространства-времени.

Ключевые слова: кочевники, Интернет, Арктика, пространство, время, вращение, антропология

Кружение в кочевом и виртуальном пространстве-времени

Поводом для написания этого очерка стала невинная забава: в последний день весенней экспедиции 2018 г. к оленеводам Кольского полуострова я буквально на коленке смонтировал полуминутный трехкадровый ролик из снятых с коптера эпизодов вращения оленьего стада и впопыхах выбросил его в Сеть в Facebook (далее – FB) с подписью: «Кружение оленей. Зачем они это делают? То, как это видит дрон, завораживает. Кольский п-ов, Ловозерская тундра, Полмос. 30.04.2018». Переезжая из тундры в село Ловозеро, а затем в Мурманск, я не следил

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 18-78-10077 «Виртуальная этничность и киберэтнография: новация на фоне традиции».

за Сетью и только по возвращении в Петербург заметил, что количество просмотров, лайков, репостов и запросов в друзья резко превысило норму. Помимо репостов, появились ремейки, со ссылками и без ссылок на исходник, с просьбами использовать мои съемки в сетях и на телеканалах разных стран. Особенно впечатлил потоп комментариев, породивший ощущение, будто олени своим вращением генерируют ток мыслей на разных языках в безбрежном диапазоне догадок и версий (например: «Я видела видео в прессе Чили, очень много внимания… [предполагаю], что это для генерации тепла»). Я ощутил, что в полушариях не только мозга, но и глобуса произошло сцепление каких-то глубинных мотивов и импульсов: в маленьком кадре крутятся олени, а глобальная Сеть отзывается вращением эмоций и суждений.

Вначале у меня возникла ассоциация с наблюдением Клиффорда Гирца о яванских «тайлорианцах». Напомню, классик антропологии Эдуард Тайлор создал образ «философствующего дикаря», который последовательно и осознанно перерабатывает свои впечатления и сновидения в мифологию и анимизм. Гирцу довелось быть свидетелем проявления этого милого, хотя и не раз осмеянного в науке, эффекта «первобытной рефлексии». Однажды в доме плотника на Яве неожиданно быстро выросла большая поганка необычной формы. Слух о «странности» (*aneh*) разнесся по окрестности, и к плотнику потянулись ближние и дальние соседи поглядеть на поганку собственными глазами, при этом каждый предлагал свое толкование случившегося. Поганка для жителей Явы значит ничуть не больше, чем для европейцев, и причина общественного возбуждения состояла вовсе не в интересе к диковинному грибу. Яванцы превратились в «тайлорианцев» из интереса, способна ли существующая система верований-знаний объяснить «странность» (Geertz 1973: 101).

Хор, если не сказать гром, голосов из Сети требовал от меня немедленного объяснения, зачем крутятся олени, повторяя мой собственный вопрос на разных языках: «Pourquoi ils font ça?» (фр.); «Vet du varför gör dem så här?» (швед.); «Por qué hacen eso?» (исп.); «Ne yapıyorlar kimbilir enteresan?» (турец.); «Why do they do this?» (англ.). Один из английских голосов заклинал, играя на провокативных полутонах: «Hoping you are speaking English because I really would like to know if there is a reason why they make this kind of “ritual”» («Надеюсь, Вы говорите по-английски, поскольку я реально хочу знать, есть ли причина, по которой они совершают такой “ритуал”»).

В те дни я удержался от предъявления своего толкования благодаря этнографической привычке записывать голоса других, не заглушая их своим. Таким образом, моя лента впитала «внутренний монолог» Сети, который напоминал джойсовский бессвязный поток сознания. Суть искуса состояла в том, чтобы уловить и обозначить живую и актуальную

связь между совершенно разными по природе явлениями – кружением оленей и бурлением Сети, между архаичной традицией и сверхсовременной реакцией. Во всяком случае попытаться использовать цифровые медиа не только для архивирования состоявшегося, но и для «оркестровки жизненного обновления» и «расчистки пути для новых связей» (Deger 2017: 318).

Прежде чем перегружать «внутренний монолог» из Сети на страницы журнала, есть смысл дать слово традиционной этнографии и антропологии для трехчастного (в трех параграфах) представления обсуждаемой сцены и ее культурного контекста. В основе очерка лежат мои полевые наблюдения на Чукотке, Ямале и Кольском полуострове среди кочевников-оленеводов Арктики – чукчей, ненцев, саамов и коми-ижемцев.

Этнография кольского «вращения»

Кольская тундра – узкая полоса (около 100 км) между лесом и морем, где саамы издавна практиковали выпас небольших стад (до нескольких десятков оленей) с короткими миграциями и использованием для транспорта саней и вьюка. Это «избное» оленеводство включало доение важенок, летний вольный выпас и сбор стад с помощью собак-оленегонок. В 1880-е гг. мигранты коми-ижемцы привнесли на Колу крупностадное товарное оленеводство с круглогодичным выпасом, промышленным осенним забоем оленей, наймом пастухов-работников (в том числе саамов), производством продукции на продажу (в том числе замши и меховой одежды). На месте «избного оленеводства» развернулся «оленеводческий капитализм», которым славны коми-ижемцы, с его товарностью, учащенностью ритма забоев, широким ассортиментом оленеводческой продукции. В советское время кольское оленеводство подверглось коллективизации и огосударствлению, но сохранило основные черты крупностадного ижемского выпаса, хотя экология и исходная этнокультурная среда давали себя знать: постепенно восстанавливались саамские «избно-огородные» черты, вернее, они приобретали по-ижемски большой размах. В 1970-е гг. кольские оленеводы вернулись к летнему вольному отпуску оленей, по границе тундры и леса построили длинную сплошную изгородь (огород) для регулирования сезонного движения оленей, а вдоль огорода – избы и деревянные корали. Оленеводство стало «огородным», а кочевание – вахтовым, с выездами на пастушеские смены и возвращением в поселки.

Сегодня кольское оленеводство сочетает саамское (причем не только кольское, но и скандинавское) наследие, отчасти восстановившееся ижемское предпринимательство (все ключевые позиции в кольском оленеводстве занимают ижемцы) и множество технологических новшеств (включая снегоходы), превративших оленеводство в оленепроиз-

водство с особым режимом перегонов стада и целым комплексом огородов и коралей. На Кольском полуострове сегодняшние лидеры оленеводства продолжают традицию тундрового капитализма, привнесенную ижемцами-мигрантами в конце XIX в., включающую эффективное воспроизводство поголовья, рациональный пастбищеоборот, разветвленную торговлю, увязку производственных задач и персональных интересов.

Территория кольского оленеводства, ограниченная берегом моря и промышленными зонами, напоминает огромный вольер, в котором пасется и перемещается 50-тысячное стадо оленей кооперативов «Тундра» (Ловозеро) и «Оленевод» (Краснощелье). Сходство с вольером усиливается тем, что пастухи не кочуют со стадами, а перегоняют оленей на снегоходах по маршрутам выпаса среди загородей и наволоков (участков, ограниченных водоемами). Протяженность маршрутов от зимних пастбищ в Ловозерских тундрах (Хибинах) до летних пастбищ у Баренцева моря не превышает 100–150 км; благодаря компактности и удобному рельефу пастбищной территории возможен летний вольный отпуск оленей: как говорят оленеводы, «у нас сам Кольский пасет».

В ловозерском кооперативе «Тундра» сочетают саамский полувольный выпас с июня по ноябрь и управляемый коми-ижемский выпас с декабря по март. Ареалы этих практик выпаса обусловлены природной зональностью: полувольный выпас соответствует тундре, управляемый – лесной зоне. Сеть опорных изб позволяет пастухам перемещаться от одного жилища к другому, не удаляясь от стада более чем на 20–25 км. Собираемое у изгородей к декабрю большое стадо делится между бригадами, которые отправляются на зимовку по своим маршрутам.

В кольском оленеводстве существенную роль играют техники удержания стада, регулировки скорости его движения, маневров в системе «огородов». Эта специфическая адаптация вкупе с дрессурой кольских оленей сказывается на их поведении, в частности в периоды сбора и разделения стад, удержания их на наволоках, перегона к тандарам и коралям.

Событийный контекст съемок в конце апреля 2018 г. выглядел следующим образом. На базе Полмос собрались оленеводы левого крыла для разделения 12-тысячного стада на маточную часть (стельные важенки) и няловку (прочие), а также отлова «езжалых» быков на упряжки. К тому времени няловка в 6,5 тыс. голов паслась отдельно от маточного стада числом 5,5 тыс. на р. Уйме; уже с марта, после кастрации, общее стадо было разделено на важенок и няловку, однако в няловке, наряду с самцами-хорами, телятами, ураками (бычками-двухлетками), вонделками (двухлетками самками-нетелями) и ездовыми быками, оказались стельные важенки бригады, которых не успели отделить от основного стада. Между тем отел приближался, и оставшихся в общем стаде важенок следовало отделить и направить к маточному стаду, пасшемуся

в стороне от беспокойной няловки. Для этого от общего стада (6,5 тыс. голов) следовало каждый день откалывать кусок в 800–1 000 голов, пригонять в Полмос, загонять в кораль, отделять важенок от прочих и вылавливать упряжных быков, пока вся няловка не пройдет фильтрацию.

Утром 28 апреля два снегоходчика во главе с начальником оленцеха направились к окарауливаемому двумя пастухами смешанному стаду. После короткого совещания на базе Уйма четыре снегохода двинулись к находящемуся неподалеку шеститысячному стаду. Путем глубоких заездов вокруг стада оленеводы отололи кусок в 800 голов и спешно погнали к изгороди (промедление чревато расколом куска и его возвращением к основному стаду).

Оторванному куску предстояло миновать огород, отделяющий лес от тундры. Накануне пастухи накатали снегоходную дорогу для оленей через довольно узкие ворота (чуть более 2 м), чтобы олени прошли по ней через изгородь. Три снегохода и собака, подпирая и сжимая с боков стадо, направили его к воротам. Перед проходом стадо, зажатое с трех сторон, начало кружение. Неоднократные попытки поддавить его к воротам не принесли успеха, олени вели себя все тревожнее, запрокидывали головы, спотыкались в беге по кругу. Пастухи знают, что самое опасное в такой ситуации – паническое бегство куда глаза глядят, грозящее разбродом стаду и выкидышами важенкам.

Начальник оленцеха через минуту колебания принял решение перегнать стадо дальше вдоль изгороди, где есть широкий проезд, используемый для подвоза дров к Полмосу на вездеходах. Направленное вдоль изгороди вращающееся стадо тут же развернулось в ленту. Пастухи погнали его в обход лесистого холма, за которым сразу открылись широкие ворота в изгороди, и стадо с разбега устремилось в них.

Скорость бега стада составляла около 15 км/час, дистанция перегона до кораля Полмоса – 20 км. Впереди бежала матерая важенка, «мать матерей», за которой бежало несколько десятков ее детей и детей детей. Обычно именно старая важенка ведет стадо, за ней вытягиваются в вереницу остальные олени. В голове стада вскоре оказывается легкая молодь, в хвосте – тяжелые быки, которых не выдерживает наст, и они время от времени проваливаются по брюхо.

По пути в Полмос стадо еще раз кружит – не перед препятствием, а посреди ровной тундры – из-за того, что небольшой его кусок откололся и за ним ринулся один из снегоходчиков, оставив свой фланг подгона пустым. Когда пастух вернулся, стадо разомкнуло круг и вновь вытянулось в ленту. Перед коралем олени еще раз закружили, на этот раз особенно быстро, подняв столб снежной пыли. Пастухи на снегоходах сумели разомкнуть вращающийся круг, толкнув его в широкий загон кораль, а затем разбить стадо на несколько кусков, распределив их по отделениям кораля. Всюду, в разных по численности группах, олени продолжали

кружить. При взгляде сверху казалось, что в отделениях кораля вращаются огромные маховики оленной индустрии (Головнёв и др. 2018).

Круг в движении и ритуалах кочевников

Пространственное кружение представляет интерес не только как поведенческий эффект, но и как универсальный прием физического и ментального охвата пространства. Динамически кружение связано с вращением, особенно в осевых диспозициях, геометрически оно может соответствовать кругу, овалу, петле, кружеву, спирали. В отличие от статичной фигуры круга (хотя в его бесконечности заложена вечная динамика), кружение представляет собой действие, в котором важна позиция действующих лиц – окружающих или окружаемых, смыкающих или размыкающих круг.

Нередко круг ассоциируется с кочевой динамикой и противопоставляется статике квадрата в оседлых культурах. Многообразие образов круга – *orbis terrarium* (лат. «круг земель», «ойкумена»), *heimskringla* (др.-исл. «круг земной»), *saṃsāra* (санскр. «движение мира»), *maṇḍala* (санскр. «сакральный круг») и др. (Подосинов 1999: 487) – свидетельствует о его естестве и всеобщности. Однако вряд ли оправданно все круговые вариации сводить к общему архетипу, как не обязательно видеть в любой дырке солярный символ и в любом изгибе – след колеса времени. В нашем случае допустимо оставить в стороне статичные фигуры, орнаментальные символы, мелкую моторику, сфокусировавшись на пространственном кружении в маневрах и ритуалах кочевников.

Человеку, как и многим животным, свойственно глубинное и обостренное ощущение круга и себя в состоянии кружения и окружения. С одной стороны, он испытывает прилив энергии и отваги, окружая своих противников; с другой – переживает опустошающий страх и оцепенение, будучи окруженным. Сам по себе круг (или кружение) не обладает заданными свойствами; его магия генерируется в движении, в зависимости от прохождения круга. Другими словами, кто владеет и движет кругом, тот властвует над ситуацией.

Круговое движение в массе случаев имеет целью освоение пространства; тот же алгоритм действует и в отношении времени, течение которого нередко рисуется колесом или восьмеркой. В этом смысле круговая схема календаря — доступный человеку маневр «окружения времени». Как показывает практика арктических кочевников ненцев, значительная часть маневров по кочеванию и выпасу оленей выполняется по круговой схеме. Кочевье разворачивается в ленту в движении и сворачивается в кольцо (полукольцо, курень) на стоянке. Действия по выпасу стада оленей, прекращению движения, устройству стойбища, завершения обряда всегда имеют вид округления. Для того чтобы оста-

новить движение стада, нужно собрать его в круг; особенно часто это делается в комарный период, когда олени либо бегут стремглав прямо на ветер, либо «кружат вокруг себя». Отлов оленей завершается сбором ездовых быков в кораль, замкнутый с одной стороны изгибом расставленных нарт, с другой – натянутой женщинами полукругом веревкой (*иня' ёрка*). При этом только что метавшиеся олени мгновенно успокаиваются и их можно расталкивать, обвязывать арканом или уздой, неторопливо выводить из круга и впрягать в нарту. На этом же эффекте основана облавная охота на песцов (*таларава*), когда звери, окруженные кольцом охотников, сбегаются на возвышенность и относительно спокойно позволяют себя расстреливать.

Если оленевод ищет стойбище в тумане или пурге, он совершает широкий круг в районе его предполагаемого нахождения. Останавливая нарту, ездок привязывает узду передового оленя к копылу левой стороны нарты, с этого момента упряжка, даже если олени почему-либо пытаются сорваться с места, начинает кружить. Выбрав место для нового стойбища, мужчина обращается к ведущей караван женщине со словами: «Заворачивай аргиш». На стойбище с одной стороны полукругом ставятся чумы, с другой – нарты и олений кораль. Сам чум в основании тоже кругл (у ненцев есть особое понятие *мяра* – круг чума, распространяющееся не только на площадь жилища, но и на размеры других кругов, колец, петель).

Выпас большого стада, особенно летом, построен по принципу кругового движения. Судя по записям треков ямальских оленеводов, они выпасают стадо вокруг стойбища на площади радиусом около 5 км, каждый раз отгоняя оленей на новый участок, следующий по солнцу за предыдущим. Пастухи во время своего дежурства направляют стадо на ночь вдаль от стойбища, днем – к стойбищу. Следующий дежурный вновь отгоняет стадо километров на 5–7 от стойбища, но не точно в ту же сторону, куда они ходили прошлой ночью, а правее (по солнцу), причем возвращается стадо тоже не по прежнему следу, а еще чуть правее. Так возникает рисунок выпаса, напоминающий лепестки или кружево. Обычно таких лепестков вокруг стойбища оказывается 3–5, прежде чем стойбище снимется и перейдет на новое место, на расстояние 7–10 км. Вокруг нового стойбища стадо вновь начинает описывать петли-лепестки, и в этой очередности образуется «кружевной», или «лепестковый», дизайн движения стада.

Главное достоинство этого стиля движения состоит в его экологичности. Стадо, даже крупное, в несколько тысяч голов, при таком вращении не травит пастбище, а сохраняет его по ненецкой пословице *я пуна хаёда* («земля после нас остается»). Суть этого правила состоит в постоянной динамике – не в численности стада и не в обилии ягеля, а именно в динамичной манере выпаса. Если то же стадо остановится

(например, надолго сгрудится вокруг чумов), оно «втопчется и вроется» в землю. Тогда с тундрой произойдет то, что передается другой ненецкой поговоркой: *яда тахабэй* («земля перевернута»).

Этот «кружевной стиль» создает тот самый эффект движения, который можно считать одним из основных принципов кочевых технологий: остановившееся надолго стадо «выбивает тундру» (заодно извлекая из подтаявшей мерзлоты болезнетворные бациллы), а движущееся проходит легко, будто на воздушной подушке. Не исключено, что отмечаемый ныне экологами рост песчаных обнажений и других экологических повреждений тундры – следствие не только и не столько большого числа оленей, сколько их недостаточно мобильного и искусного вождения (Головнёв 2018: 28).

Круговой маневр продолжается в обряде. У ненцев свадебный караван вначале объезжает вокруг чума отца невесты, затем трижды вокруг чума жениха. Обряд захоронения завершается обходом могилы посолонь. Вход на святилище и выход с него обозначаются в обряде кругом (или тройным кругом), при этом двигаться следует непременно по солнцу – обратный ход означает движение в мир мертвых и приводит, по убеждению ненцев, к смерти. Если жертвоприношение посвящается какому-либо духу, то его изображение трижды обносят вокруг шеи предназначенного для заклания оленя. Само умерщвление производится посредством удушения – растягиванием в разные стороны надетой на шею оленя арканной петли.

В перечисленных случаях вращение – не просто пересечение границ между мирами, а создание слитного пространства-времени, объединяющего разные миры. Круг обладает свойством бесконечности и охвата любого пространства, и кружение в ритуале можно считать активацией (оживлением) этого свойства круга.

Круговой танец считается едва ли не древнейшей танцевальной формацией, выражающей глубинные основания социальной общности в движении и ритуале. Его отличие от линейного танца состоит в непосредственном физическом контакте танцующих, их соединенности плечом-к-плечу и рука-об-руку. Мне доводилось участвовать в круговых танцах разных народов (атапасков, мари, русских, якутов и др.) и ощутить их сходство, независимо от ритма и накала, в коллективном (бессознательном) единении, граничащем с экстазом. Круговой танец – действо не столько осознаваемое, сколько сопереживаемое. Круговой танец генерирует и нагнетает дух единения, растворяя в нем индивидуальные смыслы. Поэтому рассудочные суждения о круговом танце лишь намечают его контуры. Ему чужды утонченные композиции музыки и хореографии, зато в нем всецело преобладают простейшие «эмбриональные и утробные» ритмы и движения (что хорошо видно в современных массовых танцах).

Классической иллюстрацией ритуала, полного кругового движения, представляется якутский *ысыах*, в котором мне довелось участвовать в июне 2012 г.[1] Праздник проходил в Хангаласском улусе с наплывом гостей из соседних улусов. По Лене шла послеледоходная «черная вода», палило знойное якутское солнце, а между этими полюсами холода и жары в широкой межгорной долине Туймаада бурлил праздник с его яркими нарядами, чоронами с кумысом, блюдами из конины, массовыми шествиями, силовыми состязаниями, круговыми танцами.

С.К. Колодезников заметил, что круговой танец-хоровод *осуохай*, исполняемый на *ысыах*е, символизировал создание замкнутого круга пространства и циклического времени (Колодезников 1991). По размышлению Е.Н. Романовой, ритуал *ысыах* выстраивается по схеме «нарастающего» движения, и мотив круга является в нем определяющим. Он «прочитывается» в кружении всех действий вокруг центрального столба *тюсюлгэ* (образа мирового древа *Аар кудук мас*), способе сидения по кругу *тобюрюон*, ритуальной передаче по кругу деревянного кубка с кумысом, ритуальном хороводе *осуохай*, мифологических песнях с частым употреблением слов *эргийии* («вращение») и *эргийэн* («обход по кругу») (Романова 1994).

А.Г. Лукина в круговом танце *осуохай* различает три части: хоровод с величавыми и торжественными поклонами, «путешествие» и «полет». Вторая часть, *айан* («путешествие», «пеший путь»), или *хаамыы үҥкүү* («танец шагом»), – основная и самая продолжительная. Она символизирует восстановление дороги между землей и небом. В этой части исполняются ритмичные, пружинистые шаги, сопровождаемые энергичными движениями колен, корпуса, рук и головы и пением в «упругом ритме» (*дэгэрэн ырыа*). Хоровод идет посолонь, темп ускоряется, ощущается общий подъем настроения. Третья часть, танец прыжками или *кетюю* («полет»), – кульминация. Она короче предыдущих, но ярче и насыщеннее эмоционально, поскольку передает главную цель и апогей всего обряда *ысыах* – вознесение к небесным божествам *айыы*. Основные движения «полета» – дружные упругие прыжки с ноги на ногу при ускорении движения хоровода посолонь. Темп танца нарастает до предела, передавая экстатическое вознесение к небу. «Все три части танца *осуохай* исполняются непременно в кругу. Продвижение в танце совершается обязательно по ходу Солнца и только вперед, круг за кругом» (Лукина 2012: 415, 416).

Н.А. Стручкова провела сравнение танца *осуохай* с шаманским камланием и обнаружила в них общие круговые обходы, высокие прыжки на обе ноги, движения корпуса и плеч (сходны и некоторые тексты шаманских заклинаний и хороводной песни) (Стручкова 2002). Более того, шаманское камлание и *осуохай* объединяет подражание шагу и телодвижениям лошади и езде верхом. Ритуальная пляска *битии*,

в которой шаман вел привязанных к нему детей в «путешествие» к богине Айыысыт, включала «притоптывания ногами по земле». В якутском языке топтание, или переступание на месте с ноги на ногу, обозначается словом *тэпсэннэ* и применимо к движению лошади. Известно, что шаманы использовали «пляску лошади» для вхождения в транс. Синкопированные шаги-приставки и прыжковые движения *кетуу* (*кетюю*), имитировавшие ход жертвенной лошади *ытык*, поднимающейся по небесной дороге, и были глубинным смыслом танца *осуохай* (с этой интерпретацией гармонирует атрибутика *исыах*, включая коновязь *сэргэ*, кумыс и другие «конские» символы). А топтание, в силу своей несложности и однородности, оказалось удобным для выражения восторга и экстаза в кульминации массового пляса.

Природная мим-адаптация – глубинное состояние человеческого естества, находящее отзвук в инстинктах и базовых влечениях. Однако кому бы в своих движениях ни подражали танцоры, они вызывают у себя и друг у друга вполне человеческие ощущения коллективного экстаза. Движение в круговом танце создает тот самый дух пути и полета, который генерирует неуловимую рациональной мыслью энергию жизни, силы и единства.

Слитное пространство-время

Слитное время-пространство возникает во всех круговых ритуальных танцах, от русского хоровода и якутского *осуохай* до чеченского *зикр*а и индейской «пляски духов». Эффект кружения (движения по кругу) представляет особый интерес как свойство нерасчлененного пространства-времени. В отличие от оседлой картины мира, где пространство и время раздельны, в ментальности кочевника они нерасчленимы. Для кочевника время движется (кочует) по пространству: например, у апреля и июля есть свои пространственные отметки; и наоборот, пространство не существует вне времени, вернее, меняется по ходу времени. В каком-то смысле слитное пространство-время отменяет статичное пространство и прочную шкалу времени, замещая их динамично-изменчивым движением жизни (подробнее см.: Головнёв 2017).

Ненецкое кочевье растянуто в пространстве от леса до моря, а во времени – от зимней «спины года» (*по’ маха*) до летней «середины» (*тай ер*). Двухчастность ненецкого года, состоящего из года-зимы и года-лета, соответствует двум половинам кочевого маршрута. В календаре ненцев на один астрономический год приходится два кочевых года, и при подсчете возраста число лет удваивается.

Если кочевой маршрут нанести на карту, он приобретет вид коридора вдоль хребта Ямала от круга летних пастбищ к кругу зимних пастбищ. В огрубленной форме силуэт кочевого пути напоминает цифру 8.

Если попытаться нарисовать время ненцев, оно окажется «двухколесным», состоящим из круга-лета и круга-зимы, т.е. силуэт времени также обретает форму восьмерки, совпадая с пространственной фигурой кочевья. В точке соединения зимы и лета находится стык-переход (зимнего и летнего маршрутов, сезонных караванов и экипировки), которому свойственны одновременно изменчивость (регулярная смена нарт) и неизменность (постоянство этих смен). Формула «неизменность перемен» свойственна слитному пространству-времени и характерна для мобильности и ментальности кочевников. Такого рода парадоксальные, на первый взгляд, контрапункты образуют «устойчивая изменчивость», «мобильный покой», «постоянство непостоянного», вплоть до динамизма статики или статичной динамики. Даже таинство perpetuum mobile в проекции кочевого движения выглядит не столь уж тупиково: в простейшей трактовке вечным двигателем номадизма служит сочетание энергии и действий мужчины и женщины, человека и животного. Вообще все то, что кажется неразрешимым и невозможным в статике, оказывается разрешимым и возможным в динамике (в физике сходные перспективы открывает теория относительности).

Рубеж, где кочевое лето переходит в кочевую зиму, а затем обратно, представляет собой место хранения и смены нарт. Здесь дважды в год (или раз в кочевой год) сменяются летний и зимний караваны (включая нарты, одежду и покрышки чумов). Тем самым летом по тундре движется не вообще караван, а летний караван (при этом зимний «отдыхает»); соответственно, зимой по лесотундре идет зимний караван (а летний в это время «спит»). В ненецком языке слово *по* означает «год» и «проход» (переход, дверь). Тем самым год оказывается не фиксированным периодом времени, а моментом стыка-перехода кочевых лет – «дверью», в которую проходит кочевье из зимы в лето и обратно. При этом календарная веха «дверь как год» подразумевает не препятствие, а достижение соответствия времени и пространства. Иначе говоря, пройти сквозь *по* – оказаться в нужное время в нужном месте, точнее, в нужном месте-времени для перехода в новый круг пространства-времени. *По* – год как переход – оказывается узлом пространства-времени и опорой для толчка на новый виток.

Если в статике пространство и время обладают четко выраженными границами, то кочующее пространство-время уничтожает границы, связывая разнородные действия и события в общий поток, своего рода караван пространства-времени. Оттого что кочевье по ходу миграции встает стойбищем несколько десятков раз, оно не перестает быть одним и тем же стойбищем, переносимым с места на место. Другими словами, пространство стойбища кочует вместе с караваном (упакованное в караван), стирая границы статичного пространства (ландшафта) и превращая тундру в путь кочевья.

Если в оседлой ментальности пространство и время существуют объективно, образуя оси мироздания, в рамках которых помещаются человеческие судьбы, то кочевое пространство-время без человека не движется и не существует. В какой-то степени практический опыт кочевников приобретает вид «теории» в ритуалах, освящающих жертвоприношениями переправы через крупные реки и достижение крайних (поворотных) точек кочевья. По убеждению ненцев, несчастья обычно связаны с невниманием к духам и обрядам, за что на людей обрушивается кара в виде ледяных дождей или волчьих потрав.

По наблюдениям В.П. Евладова, ямальские ненцы приносят жертву Луне каждое полнолуние (Евладов 1992: 105). По другим сведениям, они предпочитают совершать обряды в первой половине лунного месяца (пока он растет). Во всех случаях речь идет о соучастии людей в движении времени. Поскольку ритуалы совершаются на остановках кочевья, они обозначают вешки времени в тундровом пространстве. Если кто-то в нужное время в нужном месте не совершит надлежащего ритуала, его пространство-время может пойти неверным путем, не в ту сторону. В жизни каждого кочевника очередной месяц наступает «правильно» и несет с собой ожидаемые явления (тепло, холод, рыбный вонзь, олений отел и др.), если правильно ведет себя сам кочевник. Слитное пространство-время оказывается сценой постоянного взаимодействия людей и богов, которые участвуют в общем «кочевье мира».

В чукотской культово-ритуальной традиции субъектность кочевого пространства-времени видна в том, что ритуалы проходят не в определенные даты календаря, а по мере достижения соответствующего состояния. Например, трехдневный праздник *эйнеткун* проходит на рубеже лета и осени, когда стадо возвращается с летовки к ярангам. Ритуал долгожданной встречи оленей и яранг лишь условно – календарный, на самом деле он – событийный. *Эйнеткун* – своего рода день победы оленеводов, собравших оленей и пригнавших их к ярангам, а для обитателей яранг – день вознаграждения за ожидание и терпение. Таким образом, не объективный ход времени, а субъективный маневр кочевника ведет к состоянию пространства-времени, называемому *Эйнеткун*.

Многие, если не все, ритуалы кочевников включают символ или движение круга и / или кружения (обход святилища, кружение жертвы, ритуальное кружение людей и т.д.). Семантика и эмоциональная нагрузка этих эпизодов подсказывает, что именно они рассматриваются как узлы (стяжки) кочевого пространства-времени. Именно в этих эпизодах, благодаря их высокой энергетике, происходит не просто переплетение, а сплавление пространства-времени.

Многоголосие Сети

Итак, 30-секундный ролик «Кружение оленей» сразу после выкладки в Сеть стал «вирусным» (так неблагозвучно называется пост, быстро распространяющийся по Сети). Вскоре у него в FB было более 1,3 млн просмотров, 28 тыс. репостов и 700 комментариев. Учесть все комментарии сложно, поскольку они сопровождают не только исходный пост, но и репосты, но основные течения мыслей и эмоций разглядеть нетрудно[2].

Начну с высказываний, хотя их совсем немного, ставящих под сомнение подлинность ролика: «Может фейк? Компьютерная графика?»; «Fake vidéo?»; «Sieht aus wie am computer gemacht» («Похоже, сделано на компьютере» – нем.); «Taken in April? Nothing is able to prove us the date and the fact… We live in time where CGI[3] are very easy to made» («Снято в апреле? Ничто не может подтвердить дату и факт… Мы живем во времена, когда очень легко сгенерировать компьютерное изображение» – англ.). Эти голоса трендовы в том, что Сеть вообще полна подделок, конструктов и симулякров, да и сама она — плод фантазии, ставшей реальностью. Продолжением фейковой темы звучит признание: «Недавно это видео мне п*а*рили как доказательство того, что Земля плоская и под куполом».

Остальные голоса делятся условно на ощущения и умозаключения. В «группе чувств» преобладает удивление и восхищение: «Завораживает!!! Как все разумно»; «È così ipnotico» («Это так гипнотически» – итал.); «Очень интересное явление, первый раз вижу»; «У меня голова закружилась»; «Красиво»; «Никогда не видела красоты такой, в каждом мгновении жизни есть что-то свое о любви!»; «Spiritual creatures» («Одухотворенные существа» – англ.); «Woooow». Однако есть и негативные переживания: «А мне страшно»; «Это зрелище не приносит радость, оно пугающее, может, олени чувствуют экологические изменения»; «Бедные животные».

В «группе разума» обозначились два направления: объяснение и сравнение. Первое адресовано собственно картине вращения оленей, второе – ее проекции на человека и мироздание. Наибольшее число высказываний приходится на версию согревания: «Они так защищаются от холода»; «Trying to stay warm» («Стараются сохранить тепло» – англ.); «Do they do this to generate heat?» («Они делают это, чтобы вырабатывать тепло?» – англ.); «Sie bewegen sich wegen der Kälte («Они двигаются из-за холода» – нем.); «Аккумулируют тепло»; «Так кровь разгоняют»; «Вони гріються». Вариации на эту тему звучат в высказываниях: «Все же, наверно, греются. Если на холоде стоять, то можно замерзнуть. А при движении тепло»; «Они так лечат тех, кто в центре»; «Ждут, когда олень в центре замерзнет»; «Они кружатся, чтобы посто-

янно менялись местами те, кто в центре – они согрелись, с теми, кто на краю и начал подмерзать».

Понятно, что сочувствие мерзнущим северным оленям свойственно людям, не бывавшим в Арктике и ничего не знающим о свойствах оленьего меха и режиме оленьего теплообмена. На самом деле, если олень от чего-то всерьез страдает, так только от жары, способной вызвать массовый падеж стад, тогда как мороз для него комфортен. Преобладание этого сочувствия показывает основной формат восприятия Сетью ролика про оленей: создание общего поля ощущений, в котором преобладает «человекообразие» (антропоцентризм) – распространение на оленя человеческих чувств.

Из рациональных объяснений того же уровня отмечу идею кормления: «Может, топчут снег, чтоб под ним ягель можно было достать?»; «Вытаптывают снег, чтобы еду достать». На основной инстинкт опираются предположения: «Брачные танцы»; «Там вокруг самки кружат олени».

Столь же «человекообразно» толкование кружения как способа отражения атак хищников: «Это защита молодняка и самок изнутри круга самцами-оленями от волков и других опасностей»; «Они так от волков защищаются»; «Вращение по кругу – это инстинктивная форма защиты. В центре обычно находятся детеныши и самки»; «В тундре далеко не убежишь, вот и занимают круговую оборону»; «Хищник думает, что их очень много и [не решается напасть]». Кстати, на эту «любительскую» версию участники дискуссии поддались с легкой руки зоолога, в спешке перепутавшего оленей с бизонами:

> Пользователей Сети удивил необычный видеоролик, на котором северные олени водят хороводы. Зоолог Андрей Подлужнов прокомментировал «Вечерней Москве» данное явление.
>
> – То, что стада оленей бегают кругами в загонах, является их инстинктивной формой защиты. Олень – стадное животное. Преимущественно живет в тундре, где на оленей охотятся, например, волки. Таким образом животное от них защищается, – сообщил Андрей Подлужнов.
>
> По его словам, миллионы лет эволюции сделали свое дело. Это уже сейчас человек использует ограду, чтобы защитить оленей от хищников. Однако для оленей ограждение ничего не значит, – добавил он. По словам эксперта, в круг выстраиваются не только олени, но и любые другие копытные дикие животные. Например, коровы, зубры, бизоны.
>
> – Круг имеет четкую структуру. В центре находятся дети и самки. По кругу стоят самцы, которые защищают стадо. Если быки и коровы стоят неподвижно, поскольку они медлительные и полагаются на удар своих рогов, то олени быстрые животные, поэтому они кружатся. Каждый прикрывает, так сказать, спину впереди идущего. Кроме того, хищнику сложнее будет прицелиться, – объяснил Андрей Подлужнов.

Тема испуга и защиты находит продолжение в версиях: «Защищаются от дрона»; «Они дрона пугаются, поэтому становятся в круг плотно

к себе. Так овцы тоже поступают, когда над ними на вертолете пролетаешь». Несколько голосов видят опасность в человеке: «Люди скорее всего по краям стоят»; «Кружатся потому, что за ними гонится оленевод с арканом-маутом»; «Защита от человека?».

Примечательное наблюдение приводит Наталья Максимова из Якутии, вспоминая о своем участии в перегоне стада:

> Перегоняли стадо, [я] напросилась, и по незнанию с азартом как побежала, а олени каак убежали! Затем резко повернули назад и закружили. Я стояла в центре, не могла понять, в чем дело. Брат мой стоял в стороне и смеялся. Пока олени убегали от меня, детки отстали, и матери-то и начали кружить, чтоб найти детенышей. Все хоркали, мамы звали детей, дети мам. Найдя друг дружку, успокоились. И стадо дальше само пошло, я за ними тоже тихим шагом.

Размышление о факторе человека-пастуха уже существенно ближе к реальной этологии оленя; его развитием является тема стесненного пространства: «Отсутствие свободы передвижения»; «Из-за замкнутого пространства. Им нужна свобода, расстояния, двигаться, чтобы не замерзнуть. Зачем их согнали в загон?»; «Relâchez les et ils ne tourneront plus en rond» («Отпустите их, и они больше не будут кружить» – фр.); «They are fenced in… They need to be free» («Их огородили… Им нужна свобода» – англ.); «Может, они выход ищут?»; «Exercise in a small area» («Упражнение на малой площади» – англ.); «Олени скачут вовсю – это их образ жизни! А тут их загнали. Коровы будут спать и мух отгонять, а олени с ума сойдут без пространства и скачек... Вот и нашли выход»; «Протест против загонов! В открытой тундре такого нет!»; «Гуляют по кругу как заключенные»; «Из-за замкнутого пространства как звери в маленьких тесных клетках в зверинцах»; «Чувствуют, что простора нет, опасность»; «Олени постоянно двигаются, даже не едят стоя, причем никакие; в пригороде Нальчика на оленеферме держат маралов, те ведут себя так же; корм поэтому в нескольких местах выкладывают»; «Практически все виды оленей кружат в зоопарках мира, это у них встроенная программа».

В этой серии толкований Сеть переместилась в реальную этологию оленей, довольно точно передавая особенности их поведения (например, в высказываниях об их «клаустрофобии», подтверждаемой тем, что за короткое время в загоне тундровый олень быстро тощает и приобретает дурной запах). Опытным оленеводам присуще качество, выделяющее их из ряда обычных людей, в том числе ученых – «оленье мышление» – искусство сопереживания оленю и стаду. Это мышление начинается с того, что истинный оленевод оценивает погоду, исходя не из собственных предпочтений, а из комфорта оленя, которому удобен, например, крепкий зимний мороз и сильный летний ветер.

Всем оленеводам, в том числе принявшим участие в веб-дискуссии, известно, что тундровые олени кружат в середине лета, в комарную пору: «Летом так спасаются от насекомых»; «Летом олени днем стоят и так же кружат возле стойбища; пастухи охраняют животных с ветреной стороны, чтобы олени не убежали на ветер, спасаясь от комаров и другого гнуса»; «Кружение оленей – это для отдыха пастуха, чтобы не разбрелись олени по тундре»; «Это движение они проделывают летом без изгороди во время нашествия комаров; от комара они спасаются только движением, а зимой они кружат только когда их скучивают; видимо, так им кажется, что они так уходят от неволи»; «Так они спасаются от оводов и прочих кровососов. Это их очень изнуряет, кружат часами, их переводят в другое место; целая наука как вывести из середины вожаков, чтобы стадо пошло за ними».

Действительно, летнее «кружание» стада – способ его удержания в комарную пору, когда олени спасаются от кровососущих «бегством на ветер». В «месяц комара» (*неняуг иры*) ненцы объединяют стойбища (*ӈобт ӈэсурма*) для сбора объединенного стада в несколько тысяч голов, которое удобно кружить. Малое стадо быстро размыкает круг и мчится навстречу ветру, а большое закручивается и создает, особенно в безветренную погоду, огромный живой маховик, движение в котором дает оленям ощущение защищенности и / или успокоения. Не исключено, что вожаки стада, от которых зависит его движение, действительно обретают некоторый комфорт в середине кружащего стада (ненцы рассуждают о создаваемой этой массой вращения высокой температуре, которая отпугивает кровососов). Тем не менее большое стадо само по себе не держится, а норовит двинуться на ветер, и пастухам с собаками приходится его придерживать с наветренной стороны.

Участник нашей веб-дискуссии специалист по оленеводству А.А. Южаков комментирует:

> Кружение стада – это обычное явление для домашних оленей, и есть основание считать, что эта «привычка» выработана человеком. Зачем? Летом страшнейший враг оленей гнус заставляет животных бежать от него сломя голову. Если стадо побежит по прямой, то найти и собрать его будет очень сложно, поэтому оленеводы с помощью собак заставили оленей бегать по кругу. В период массового нападения гнуса применяются и другие методы защиты от него – дымокуры, опрыскивания, но основное – это кружение. В другие времена оленей «крутят», чтобы выловить нужных животных, перед загоном в кораль и т.п. Никогда не видел кружащихся диких оленей, так что это признак доместикационный. Кружение – это привычное состояние оленей во время стрессовой ситуации. А нахождение в корале – сильный стресс для них. В период стресса или опасности у оленя срабатывает инстинкт «убегания». В загоне бежать можно только по кругу. В тундре это кружение вызывает человек. Если даже его не видно на видео, это не значит, что его нет рядом.

«Оленье мышление» пастухов открывает нюансы поведения животных, которые чувствуют, когда их гонят к коралю для просчета, сортировки и забоя. Действительно, олени, как и оленеводы, ведут себя поразному на обычном выпасе и при подгоне стада к коралю: животные моментально чувствуют настроение людей. На пути к коралю они начинают вести себя испуганно, панически сбиваются в кучу и пускаются в кружение по любому поводу. Они «словно чувствуют, зачем их сюда пригнали». А в забойной камере, по словам Петра Терентьева, «у некоторых оленей слезы текут».

В одном из комментариев состояние кружения отнесено к разряду «смещенного поведения» (см.: Тинберген 1993) — действия, логически не связанного с ситуацией, а служащего рефлективным замещением паузы затруднения. «Поведение формируется летом (когда от гнуса кружат). Инстинкт, следовательно, заложен. А зимой происходит кружение как результат смещенного поведения… Грубо говоря, снимают нервное напряжение уже заложенной поведенческой реакцией. Плюс моцион. Видели наверняка как тигры в клетке по кругу ходят».

Дополнительные верные акценты расставлены в высказываниях, из которых уже можно сложить итоговую версию: «Они это делают, когда чувствуют опасность»; «We lost direction and got lost now» («Мы потеряли направление и вот, мы заблудились»); «В пургу, когда сильный ветер, или летом, если много комаров на чистовине (чистое место, поляна), стадо оленей крутится. Причем крутятся крайние олени — беспокойные, молодняк, а взрослые, спокойные, находятся в середине и крутятся редко»; «Это эвритмия: они так взаимодействуют друг с другом и поддерживают жизненные силы».

На Кольском полуострове отработанный на комарах маховик вращения срабатывает и в других критических ситуациях. Стадо останавливает свой бег, когда сталкивается с неизвестностью или опасностью. Кружение — стадный жест замешательства. Вращаясь на месте, оно не сбавляет ход, не ложится, не разбредается, а ждет действия своего вожака, вернее вождихи — матерой оленухи, которая его ведет. Говорят, старики раньше умели «крутить стадо», используя его вращение вместо кораля, умудряясь отловить в вертящемся круге нужных для упряжки оленей. Есть и другие поводы вращения, например, болезнь «вертячка», которая доводит оленя до изможденния и смерти. Обычно стадо кружит по солнцу, но пастухи говорят, что можно закрутить его и в обратную сторону. Это своего рода дрессура: по словам оленеводов, вращение способствует «осмирнению стада». Они крутятся, пока не успокоятся от усталости или не найдут выхода в открытое пространство, и тогда круг стада в одно мгновение вытягивается во вьющуюся по тундре пеструю ленту.

Спираль вращения

Поладив худо-бедно с оленьими смыслами, время переключиться на смыслы человеческие, которыми изобилует лента. Во многих комментариях через сравнения и метафоры выражается не «оленье мышление», а «слишком человеческое». Кроме того, между столь отдаленными явлениями, как оленье кружение и сетевое обсуждение, натянута незримая нить кочевой ментальности, один конец которой привязан к классическому кочевью, а другой – к виртуальному киберномадизму. Неочевидное сходство открытых пространств тундры и Интернета, мобильности арктических кочевников и виртуальных неономадов создает общую для них (нас) «движуху». Прямых вопросов и ответов здесь нет, зато есть общие импульсы и реакции, а также множество элементов, которые втягиваются в спираль вращения (воронку памяти, круговорот ассоциаций) – узел слитного кочевого пространства-времени.

Сетевая лента пестрит назывными хлесткими ассоциациями: «Полнолуние»; «Мерячение»; «Мандала оленья»; «Хорал»; «Фрактал»; «Энергетическая воронка»; «Космос»; «Galaxy spinning» («вращение Галактики» – англ.); «Хромосома»; «Кольские лабиринты». Но все самые смелые сравнения уступают по мощи линии танца, которая не столько связывает поведение животных и людей, сколько раскрывает огромный потенциал танца в человеческой культуре.

В значительной части комментариев кружение оленей сопоставляется с танцем (ритуальным танцем, божественным танцем): «Это северный танец: *ехор* или *осуохай*»; «Шаманский танец»; «Танец Шивы»; «Болгарский хоровод»; «Всем хороводам хоровод!»; «Зикр!»; «Чеченский зикр»; «Суфийский зикр»; «Энергию собирают, дервиши так кружатся»; «Олени зикр делают?»; «Танцуют зикр – хозяин, наверное, чеченец»; «Танец, защита, энергия!»; «Дискотека по-оленьи?». Кроме того, тема танца легко разворачивается до (или служит поводом для) философских обобщений:

> «Хоровод – защитный и лечебный энергетический и механический круг… Наши предки для этого хороводы и водили». (И комментарий к комментарию: «Наши женщины разучились хороводы водить».)
>
> «Может, олени тоже способны оценить измененное состояние сознания, которое возникает, когда все время кружишься в одну сторону».
>
> «А вы, человеки, зачем так танцуете? Просто так? Или все же вселенная создала вас по своему принципу ради движения? И рождение и смерть ради обновления? Галактики и орбиты двигаются подобно ради энергии и созидания жизни и смерти не просто так!?»
>
> «Насекомые, рыбы и животные кружатся похоже. Они чувствуют Вселенную больше, чем люди… Старый завет Тора говорит об этом движении как о силе, которая разрушает стены и ограды-препятствия».

«Вся сущность танца – это зикр! Все делают зикр: индейцы, африканцы…»

«Все живое делает зикр: электроны, планеты, деревья, вода, птицы, все, все, кроме некоторых людей. А что такое зикр? Это соединение с Аллахом, с бесконечностью, с высшим разумом, с природой, с естеством».

Есть в кружении оленей нечто, запускающее полет (вернее, вращение) мысли по всему мирозданию, от аналогий с пингвинами до строения космоса. Ассоциации смело обращаются к спирали Вселенной, будто в подсознании пробуждается галактическая прапамять.

«Божественный танец, вся Вселенная так кружит. Молодцы олени! В теме».

«Это Солнечный Язык. Животные не забыли. В старину мы, “язычники”, тоже знали эту науку. Сейчас арабы сохранили как обряд».

«Раскрутка какой-то энергетической воронки, что дает усиленное биополе эгрегора. Почему на праздник Пасху в церкви ходят по кругу? Почему евреи, мусульмане тоже танцуют, притопывая по кругу, совершая ритуальные танцы, почему в ведической культуре тоже танцуют по кругу вокруг костра?»

«Они очень умные, и мне кажется, что это связано с космической энергией. Видимо, они двигаются точно так же, как знаки зодиака… Ну это галактика, нам этого не понять, у них свой язык».

«У животных чистые инстинкты и такое же чистое восприятие и мира и самой вселенной, [в отличие от] людей, у которых ум и эго все искажает, любую информацию. Животные больше всего приближены к реальности и сверхреальности. Они живут в них гармонично, не нарушая вселенского ритма в унисон со всей природой и стихиями».

«Они чувствуют магнитное поле земли. Тундра близка к северному полюсу».

«Селедки [варианты: барракуды, рыбы] так же делают».

«Так как жизнь – это движение, они делают круговые движения как все живое».

Лента выглядела бы неестественно, будь она наполнена только серьезными мыслями; ее органично очеловечивает «олений юмор»: «Трутся спиной олени о земную ось» (многократный перифраз на песню о медведях); «They are making the earth spin» («Они вращают землю» – англ.); «Новое управляемое метеорологическое оружие – оленье торнадо».

Единственной мрачной ассоциацией оказалось сопоставление с «муравьеворотом», «каруселью смерти» муравьев, которые бегают по кругу, прежде чем дружно полечь мертвыми. «Simplemente forman el “espiral de la muerte”… lo mismo que las hormigas!!!» («Они просто образуют “спираль смерти”… так же, как муравьи!!!» – исп.).

Одна деталь удостоилась особого внимания – вращение оленей по часовой стрелке: «Российские [олени] кружатся по часовой стрелке,

а норвежские против часовой стрелки»; «Все круги – по часовой стрелке… А мусульмане вокруг Каабы бегают против часовой»; «Интересно, а в Южном полушарии они бы кружили против часовой стрелки? Если окажется так, то они кружат под воздействием силы Кориолиса»; «А форель в садках кружит против часовой. Почему?»

К этому добавлены параллели из собственного опыта: «Более 20 лет назад была на уличной дискотеке в провинциальном городке. Вся компания двигалась в том же направлении. Никто из присутствующих так и не смог дать мне вразумительного ответа, зачем они кружат в непрерывном потоке вокруг танцпола… Да и крестный ход оттуда же… просто двигаться слева направо естественней, чем наоборот»; «Хорошо известно среди учителей танцев – если нужно успокоить детей, заставьте их кружиться против часовой стрелки. А чтобы активизировать их – пусть кружатся по часовой!»

Наконец, Сеть содержит примирительные комментарии, оставляющие загадку без ответа, например, голос агностика из Испании: «Al final me parece que los renos son los únicos que saben porque lo hacen, todo lo demás es presunción» («В конце концов, вероятно, только олени знают, что они делают, а всё остальное – допущение»). «Божьи промыслы», – смиренно вторит ему его голос из России.

***

Если вы возразите: «Это не наука», – я отвечу: «Это антропология, говорящая своим человеческим голосом». Во многом благодаря Сети у антропологии прорезался собственный голос. Рассмотренный в очерке крохотный эпизод (само)наблюдения в жанре нерегулируемого внутреннего монолога, своего рода бормотания под нос, приобрел интимный или (пользуясь модным в науке словом) инсайтный характер.

Разгадывание загадок увлекает людей, потому что каждая разгадка – маленькое открытие, победа над неизвестностью, самоутверждение (на этом держится популярность кроссвордов и квестов). Но особенно вдохновенна ступень, следующая за отгадкой – неожиданный мыслительный ход за пределами решенной задачи, свободный прорыв в новое поле, мыслительный резонанс в виде озарения. Рискну предположить, что именно предчувствие острого интеллектуального удовольствия притягивает людей к подобным загадкам, и они создают на них «вирусный» спрос.

В прежние времена мыслительные действия были привилегией избранных – пастырей, пророков, ученых, экспертов. Сегодня все изменилось: «вещание истины» стало правом каждого. Обсуждаемая сетевая лента выглядит гирляндой мудростей и глупостей вперемешку, как это и бывает в жизни.

Рис. 1. Кружение оленей. База Полмос. Фотографии А.В. Головнёва, 2018 г.

Один из голосов не сдерживает восторга открытия: «Я поняла! Хороводы, прыгания через костер, кружения в танцах – в фольклоре каждого народа это ведь есть! Гениально!». Сдержаннее, но с нотками озарения звучат комментарии: «Дети тоже очень любят кружиться, явно испытывая при этом удовольствие»; «Сегодня наблюдала кружение птиц»; «На коньках по стадиону тоже ездят не как попало, а обычно кругами в одном направлении»; «Движение — жизнь». Одна из реплик

обращена к метафоре зеркала: «Is a mirror for Human, is what we are doing when think our self» («Это зеркало для человека, это то, что мы делаем, когда думаем о себе» – англ.). Айдар Мырзаханов нашел во вращении оленей знамение:

> Люди, посмотрите на все, что окружает вас! В масштабах Вселенной! Солнце крутится, планеты вокруг солнца крутятся, сама наша планета крутится, и даже наша галактика крутится! И задумайтесь над тем, что мы, мусульмане, делаем *таваф* (кружимся) вокруг Каабы… В этом видео явное знамение Всемогущего Творца!!! Который своей мудростью предопределил это действие — *таваф*, кружение, ну если хотите хоровод!!! … Призываю вас размышлять над этим поистине завораживающим действием!!!

Искренность некоторых высказываний в Сети такова, что виртуальность кажется обнаженной реальностью. Не думаю, что люди писали мне в ленту с расчетом, что их мнения будут опубликованы в научной статье (хотя у ленты есть все признаки научного источника: данные висят в Сети, следовательно, доступны и проверяемы). Нигде, кроме Сети, нет такого научного источника, как поток сознания, в равной мере индивидуального и общественного. Сеть создает совершенно новую ментальную реальность мультилога, прежде в природе не существовавшую.

Обзор Сети приобретает жанр, близкий к «публичной антропологии» (см.: Borofsky 2019), когда в обсуждении участвует не цех ученых, а широкий круг заинтересованной публики. В мгновенном кадре вращения отразилась и человеческая хромосома, и галактическая спираль. Кроме слов, лента обильна множеством изображений – спиралями, улитками, веретенами, кругами, которые часто выражают идею лучше, чем многословные описания.

Примечания

[1] На *ысыахе* 2012 г. был установлен рекорд Гиннеса: в танце *осуохай* на площадке кумысопития приняли участие 15 293 человек. См.: URL: http://news.ykt.ru/article/3807 (дата обращения: 29.04.2019).

[2] В тексте автор использует материалы персональной страницы FB, комментарии на пост от 01.05.2018. URL: https://www.facebook.com/andrei.golovnev.9 (дата обращения: 29.04.2019).

[3] Computer-generated imagery — «изображения, сгенерированные компьютером».

Литература

Головнёв А.В. Арктический этнодизайн // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 6–15.

Головнёв А.В. Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. № 2. С. 6–45.

Головнёв А.В., Куканов Д.А., Перевалова Е.В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018.

Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову (Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг.). Тюмень: ИПОС РАН, 1992.

Колодезников С.К. Категории традиционной культуры якутов: пространство, время, движение (по материалам фольклора) // Духовная культура в жизни этноса. Якутск, 1991. С. 5–27.

Лукина А.Г. Танцевальная культура // Якуты (Саха). М.: Наука, 2012. С. 411–419.

Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999.

Романова Е.Н. Якутский праздник «Ысыах». Истоки и представления. Новосибирск: Наука, 1994.

Стручкова Н.А. Семантика основных движений якутского хороводного танца осуохай: автореф. дис. … канд. ист. наук. Якутск, 2002.

Тинберген Н. Социальное поведение животных. М.: Мир, 1993.

Borofsky R. An anthropology of anthropology: Is it time to shift paradigms? Kailua, HI: Center for a public anthropology, 2019.

Deger J. Curating digital resonance // The Routledge companion to digital ethnography / eds. L. Hjorth, H. Horst, A. Galloway, G. Bell. New York and London: Routledge, 2017. P. 318–328.

Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books. A Division of Harper Collins Publishers, 1973. 470 p.

Статья поступила в редакцию 4 мая 2019 г.

Golovnev Andrey V.

CIRCLING IN NOMADIC AND VIRTUAL SPACE-TIME*

DOI: 10.17223/2312461X/24/6

Abstract. The essay discusses the Web's reaction to the author's half-minute video taken in the 2018 fieldwork among reindeer herders of the Kola Peninsula and containing a reindeer circling story. The video has become 'viral' rather unexpectedly. The author tries to catch the actual connection between the phenomena completely different in nature — the whirling of reindeer and the seething of the Net, between the archaic tradition and the ultramodern reaction. First, the word is given to traditional ethnography and anthropology to present the scene in its cultural context (based on the author's field data gathered in Chukotka, Yamal, and the Kola Peninsula among Arctic nomadic reindeer herders, namely, the Chukchi, Nenets, Saami and Komi-Izhma). Then comments from the Web are given in the sequence: 'group of feelings', 'group of mind', 'anthropocentric explanations', and 'reindeer thinking'. Having completed a review of interpretations, the author considers the spectrum of associations of the circling, including the spinning of the Galaxy, chromosomes, and labyrinths. A major set of associations have directed to dance in a wide range of its values and functions. Perhaps, it is an invisible thread of the nomadic mentality that connects such distant phenomena as circling among the reindeer herders and online discussion, whereby one end of the thread is tied to classical nomadism and the other to virtual cyber-nomadism. The spiral of rotation (funnel of memory, circulation of associations) is conceived of as a node of the joint nomadic space-time.

Keywords: Nomads, Web, Arctic, space, time, circling, anthropology

* The research was supported by the Russian Science Foundation (RNF) – project no. 18-78-10077, titled 'Virtual ethnicity and cyber-ethnography: novelty and tradition'.

References

Golovnev A.V. Arkticheskii etnodizain [Arctic ethno-design], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2017, no. 2 (55), pp. 6–15.

Golovnev A.V. Kochevniki Arktiki: iskusstvo dvizheniia [Arctic Nomads: the Art of movement], *Etnografiia*, 2018, no. 2, pp. 6–45.

Golovnev A.V., Kukanov D.A., Perevalova E.V. *Arktika: atlas kochevykh tekhnologii* [The Atlas of Nomadic technologies]. St. Petersburg: MAE RAN, 2018.

Evladov V.P. *Po tundram Yamala k Belomu ostrovu (Ekspediciya na Krajnij Sever poluostrova YAmal v 1928–1929 gg.)* [On the Yamal tundra to the White Island (Expedition to the Far North of the Yamal Peninsula in 1928–1929)]. Tyumen': IPOS RAS, 1992.

Kolodeznikov S.K. Kategorii traditsionnoi kul'tury iakutov: prostranstvo, vremia, dvizhenie (po materialam fol'klora) [Categories of the Yakut traditional culture: space, time, and movement (based on folklore materials)]. In: *Dukhovnaia kul'tura v zhizni etnosa* [Spiritual culture in the life of a people]. Iakutsk, 1991, pp. 5–27.

Lukina A.G. Tantseval'naia kul'tura [Dancing culture]. In: *Iakuty (Sakha)* [The Yakut people (Sakha)]. Moscow: Nauka, 2012, pp. 411–419.

Podosinov A.V. *Ex oriente lux! Orientatsiia po stranam sveta v arkhaicheskikh kul'turakh Evrazii* [Ex oriente lux! Orientation through the countries of the world in the ancient cultures of Eurasia]. Moscow: «Iazyki russkoi kul'tury», 1999.

Romanova E.N. *Iakutskii prazdnik «Ysyakh». Istoki i predstavleniia* [The Yakut feast ‘Ysyakh’. Its origins and perceptions]. Novosibirsk: Nauka, 1994.

Struchkova N.A. *Semantika osnovnykh dvizhenii iakutskogo khorovodnogo tantsa osuokhai: avtoref. diss… kand. ist. nauk* [The semantics of basic moves in the Yakut round dance osuokhai: an abstract of a thesis submitted for the degree of Candidate of History (History)]. Iakutsk: IaGU, 2002.

Tinbergen N. *Sotsial'noe povedenie zhivotnykh* [Social behaviour in animals]. Moscow: Mir, 1993.

Borofsky R. *An anthropology of anthropology: Is it time to shift paradigms?* Kailua, HI: Center for a public anthropology, 2019.

Deger J. Curating digital resonance. In: *The Routledge companion to digital ethnography*. Eds. L. Hjorth, H. Horst, A. Galloway, G. Bell. NY and London: Routledge, 2017, pp. 318–328.

Geertz C. *The interpretation of cultures*. New York: Basic Books. Harper Collins Publishers Division, 1973. 470 p.